

СЛУЖБА В ЦАРСКОЙ РОССИИ. КОРОНАЦИЯ НИКОЛАЯ II. ХОДЫНКА

Моя служба в царской армии России началась со случая, который оказал решающее влияние на мою жизнь. Я имею в виду отчисление из кадетского корпуса в Финляндии и поступление в Николаевское кавалерийское училище в Петербурге.

Мне исполнилось 15 лет, когда в 1882 году я поступил в кадетский корпус Финляндии. Я был первым из трех поколений Маннергеймов, кто посвятил себя военной карьере. Однако в восемнадцатом веке почти все мужчины моего рода выбирали эту карьеру.

Для кадетского корпуса были характерны усердный труд и железная дисциплина. Малейшие отклонения от правил пресекались драконовскими мерами, в первую очередь лишением кадетов свободы. Дисциплина в младших классах зависела также от товарищеского суда, который был создан из учащихся двух старших классов с правом вынесения наказаний. У каждого младшего кадета был также и так называемый опекун, обязанный следить за его учебой и поведением. Но атмосфера в корпусе была превосходная, а товарищеские отношения, возникшие в ней, оставались крепкими при любых превратностях судьбы.

Специфичность и особое положение вооруженных сил Финляндии, в том числе и кадетского корпуса, оказывали бесспорное влияние на обучение. Преподавательский состав менялся очень редко, и многие наставники отличались оригинальностью. Руководителем корпуса долгие годы был генерал Неовиус, происходивший из очень одаренной семьи, — хороший воспитатель и администратор, отличавшийся, правда, по временам весьма воинственным темпераментом. В сослов-

ном представительстве города Хамина он выражал интересы буржуазии, и кадеты прозвали его «буржуйским генералом».

Когда в 1885 году на смену генералу Неовиусу пришел генерал Карл Энкелль, крутой и строгий солдат, выслужившийся в штабе генерала Скобелева на турецкой войне, в корпусе повеяли ветры перемен. Кадетам пришлось познакомиться с новыми манерами обучения. В результате я в течение двух месяцев не мог сделать и шага за пределы корпуса — причиной тому были небольшие прегрешения и нарушения распорядка, которые, по мнению современных педагогов, можно считать просто пустяками. Этот арест был для меня нетерпимым, и в один из пасхальных вечеров 1886 года я решил пренебречь запретом. Соорудив из своей военной формы очень правдоподобную, на мой взгляд, куклу, я уложил ее на койку и отправился в самоволку. Ночевать я пошел к одному писарю, жившему неподалеку, — его лысина, густая борода и могучий, как из преисподней, бас до сих пор хранятся в моей памяти. Ранним утром следующего дня я спал у него дома на широкой постели, рядом, на ночном столике, стоял стакан молока, и тут корпусной фельдфебель разбудил меня, чтобы отвести обратно в казарму. Кукла на моей постели была обнаружена, и это вызвало большой шум.

Через два дня пришло лаконичное уведомление, что я исключен из корпуса. Никаких объяснений мне представлено не было. Впрочем, я ожидал именно этого и уже принял решение. При прощании я сказал своим друзьям:

— Отправляюсь в Петербург, поступлю в Николаевское кавалерийское училище, а затем стану кавалергардом.

Мои слова вызвали большое оживление. Все хорошо знали, как тяжело было попасть в этот отборный, первый гвардейский кавалерийский полк России. Хотя я тогда и не понимал этого, но предпринятый мною шаг стал решающим для моего будущего: я вырвался из круга тесных родственных связей и получил возможность сделать карьеру в других, более благоприятных условиях.

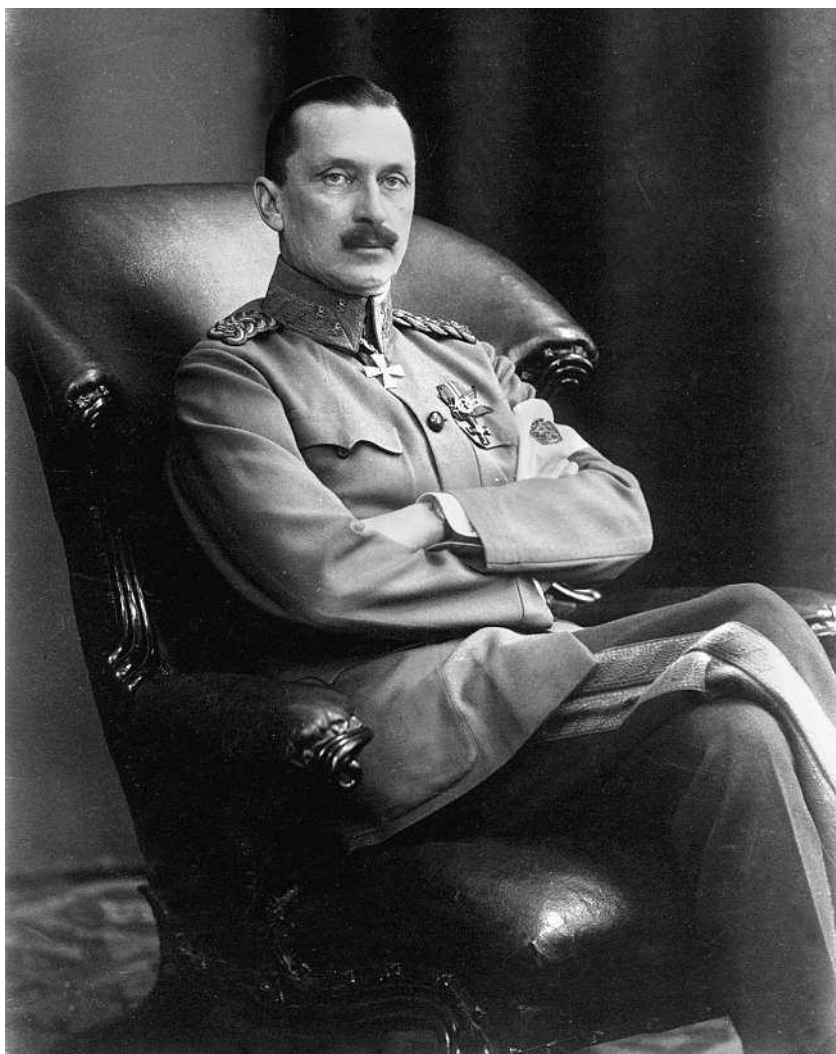
Мое решение не вызывало никаких сомнений с патриотической точки зрения, поскольку отношения между Россией и

автономным Великим княжеством Финляндским в те времена были хорошими. В основе их лежало доверие финнов к России, порожденное освободительными действиями Александра I. После присоединения Финляндии к России в 1809 году император завоевал сердца своих новых подданных монаршей присягой, а еще через два года — великодушным возвращением Финляндии (несмотря на только что закончившуюся тяжелую русско-турецкую войну) Выборгской губернии, захваченной Россией во времена Петра Великого. Последователи Александра I уважали его обязательства. Доверие было подорвано позже, когда под давлением русского националистического движения Николай II нарушил императорскую присягу.

* * *

Для поступления в Николаевское кавалерийское училище необходимо было сдать университетский экзамен. В течение года я частным образом зубрил университетскую программу в так называемой школе Беек и весной 1887 года сдал экзамены. Помимо всего прочего, требовалось хорошее знание русского языка, чтобы можно было понимать преподаваемые предметы. В кадетском корпусе Финляндии нас, конечно же, обучали русскому языку, но эти занятия были недостаточными, чтобы выучить язык, совершенно отличавшийся от финского и шведского. Для более глубокого изучения языка я отправился летом 1887 года к одному из родственников, капитану и инженеру Э.Ф. Бергенгейму, который занимал большую должность на крупном промышленном предприятии в Харькове, огромном экономическом центре Украины. Моим сердечным другом и хорошим учителем стал один из казаков-кавалеристов — весьма образованный человек, прошедший военное обучение в Петербурге. Именно его стараниями уже осенью я говорил по-русски достаточно хорошо. Но все же русский язык поначалу давался мне тяжело.

Здание Николаевского кавалерийского училища по сравнению с кадетским корпусом в Хамина производило огромное впечатление: размеры его были гораздо больше, а архитектура — благороднее. Драгунская форма, утвержденная

Карл Густав Эмиль Маннергейм – барон, финский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант Русской императорской армии, генерал от кавалерии Финляндской армии, фельдмаршал, маршал Финляндии (только как почетное звание), регент Королевства Финляндия с 12 декабря 1918 по 26 июня 1919, президент Финляндии с 4 августа 1944 по 11 марта 1946

Александром III, представляла собой следующее: высокие сапоги, синие штаны с красными лампасами, черная с золотым воротником куртка и головной убор с меховой опушкой и жестким красным верхом. Несмотря на красоту, эта форма никогда мне не нравилась, впрочем, при выходе в город позволялось надевать другую одежду. В кавалерийском училище, конечно же, царила муштра, принятая в таких учебных заведениях, что сказывалось на отношениях между курсантами. Так, например, было установлено, что «звери» — учащиеся младших классов — не имели права ходить по тем же лестницам, что и учащиеся старших классов, к которым необходимо было обращаться «господин корнет». Дисциплина была еще более строгой, чем в кадетском корпусе Финляндии.

В кавалерийском училище было много прекрасных педагогов. С особой благодарностью я вспоминаю преподавателя тактики полковника Алексеева, серьезного и требовательно человека, который во время Первой мировой войны дослужился до начальника штаба Ставки и даже стал Верховным главнокомандующим. Руководителем училища был доброжелательный и очень образованный генерал барон фон Бильдерлинг, впоследствии командующий армией во время Русско-японской войны. Обучение было более широким и планомерным, чем в кадетском корпусе, — сказывались хорошая подготовка преподавательских кадров и возможности для практических занятий. Ведь училище могло принимать участие в крупнейших военных учениях драгунских полков.

Большой отпуск я проводил в Финляндии. Всегда было приятно войти в чистый вагон на Финляндском вокзале Петербурга и отправиться, как тогда казалось, в долгое путешествие в Хельсинки. Однако и возвращение тоже было приятным, так как я предвкушал напряженную работу в полку — я относился к ней с большим рвением и очень ею гордился. К тому же меня ждал мой верный, хотя и весьма строптивый, друг Нектор, с которым меня связывала первая любовь всадника. Этим воспоминаниям молодости я верен и поныне. Все вещи, имеющие отношение к кавалерии, — выбор лошади, объездка, скачки — по сей день остаются для меня самыми приятными развлечениями.

Несмотря на языковые сложности, мой первый год обучения прошел достаточно хорошо, а в 1889 году я окончил училище с отличием.

После получения офицерского звания меня постигло большое разочарование. В кавалергардском полку, где офицерское собрание одобрило мою кандидатуру, вакансий не оказалось, поэтому мне пришлось выбирать какой-либо иной полк. Я был вынужден начать свою службу корнетом в 15-м Александрийском драгунском полку, размещавшемся далеко на границе с Германией — в польском городе Калиш. Кавалеристы полка, где все лошади были черными, назывались «гусарами-смертниками» — в память о том времени, когда этот полк был гусарским и офицеры носили доломаны черного цвета с посеребренными галунами. Это было привлекательно для молодого человека, и я ничего не имел против того, что оказался в Польше, — впоследствии я бывал там много раз. Чем больше я узнавал поляков, тем больше их понимал.

Жизнь в приграничном полку была достаточно монотонной, ничего особенного там не происходило. Однако лошади были хорошими, а работы вполне хватало для тех, кто хотел трудиться. Именно трудиться я и хотел — может быть, даже слишком хотел, как считал командир эскадрона. В те времена одной из его обязанностей было приобретение фуража, для этой цели выделялись средства. Чем меньше лошади трудились, тем меньше им требовалось пропитания. Между мной и командиром эскадрона возникла мирная борьба, и вскоре я понял, почему он все чаще стал приглашать меня на обед.

Таким образом, я оказался в условиях, которые существовали во всех частях царской армии, разбросанной по огромной территории России. Они резко отличались от условий в гвардейских полках и гарнизонах больших городов. Я научился понимать и уважать русскую военную дисциплину, обладавшую многими хорошими качествами. С новобранцами я не испытывал особых проблем, они легко обучались и были очень выносливыми. Если к ним относились по закону и так, как требовало дело, то они привязывались к своему командиру; эти отношения изменились после революции, когда на военную службу пришли простые люди, не признававшие дисциплины.

* * *

Прослужив целый год в Александрийском драгунском полку, я получил приятное известие о том, что меня переводят в кавалергарды. Я считал большой честью оказаться в этом полку, почетным командиром которого была сама императрица Мария Федоровна. Я мечтал оказаться в Петербурге, где для молодого офицера было намного больше возможностей.

В кавалергардском полку мне доверили обучение новобранцев в первом эскадроне, и я с удовольствием принялся за работу. В отдельные дни конные учения начинались уже в шесть часов утра. В двенадцать часов они прерывались на завтрак, потом занятия продолжались до четырех или пяти вечера, после чего я был свободен и мог заниматься своими делами. Дежурному офицеру чаще всего приходилось обедать в гордом одиночестве. Через определенные периоды времени устраивались общие полковые обеды, в которых принимали участие и бывшие офицеры. После Русско-японской войны в этих обедах гвардейского полка принимал участие Его Величество.

Служба в кавалергардском полку полностью отличалась от той, к которой я привык в драгунском полку. Поскольку казармы находились в городе на берегу Невы, то эскадроны очень редко выводились на открытую местность, так что в основном проводились лишь формальные учения и конные занятия в манеже.

Я с сожалением вспоминал лихие занятия на широких просторах в районе города Калиш. Именно поэтому самыми приятными были выезды в лагеря в Красное Село, которые начинались в мае и продолжались все лето. Когда столицу посещали царственные особы и правители зарубежных государств, их обычно привозили в Красное Село — там в честь высоких гостей устраивали пышные парады и маневры, которые демонстрировали мощь Российской империи, а нам это давало возможность отвлечься от повседневной лагерной жизни. Однако самым главным в такой жизни кавалергардов были скачки, на которые прибывало все высшее командование и военные представители других стран.

Иногда в зимнее время офицеры кавалергардского полка должны были нести караул в Зимнем дворце. В эти минуты мне казалось, что я прикасаюсь к частичке истории России. Подобные чувства вызывала и историческая военная форма, которую мы должны были носить: мундир из белого сукна с посеребренным воротником и галунами, плотно облегающие лосины (между прочим, их надо было надевать мокрыми и высушивать на голом теле), блестящие кожаные сапоги. Эти сапоги были гораздо выше колен, и сидеть в них доставляло большое неудобство. Поверх мундира надевался красный вицмундир с Андреевскими звездами, вышитыми спереди и сзади. Наряд довершала каска, украшенная двуглавым императорским орлом, который мы, офицеры, называли мирным именем «голубь». Было весьма приятно освободиться от всего этого обмундирования, которое приходилось носить в течение целых суток.

Зимний дворец предоставлял офицерам-кавалергардам и более приятные впечатления. Нас приглашали на всевозможные празднества, большие приемы и так называемые концертные танцы, а также на балы, которые император ежегодно давал для тысяч приглашенных. Раз в году шеф полка императрица Мария Федоровна вместе со своим супругом императором Александром III принимала у себя всех офицеров полка. Императрица, дочь датского короля Кристиана IX, всегда с симпатией относилась к Финляндии, и мы, финны, называли ее северным женским именем — императрица Дагмар. Позднее, во время путешествий по странам Центральной Европы, я побывал в Дании, и мне представилась возможность выразить свое почтение Ее Величеству, которая проводила в этой стране свои последние годы.

Будучи большим поклонником конного спорта, я всегда с воодушевлением принимал участие в скачках с препятствиями, которые организовывались зимой в огромном, вмещавшем весь полк, Михайловском манеже. А когда мой друг князь Белосельский-Белозерский после посещения Франции, где он познакомился с конным поло, организовал на Крестовом острове в устье Невы клуб поло, я много часов посвятил этому увлекательному виду спорта.

Среди других развлечений самое незабываемое впечатление производило празднование Пасхи, самого крупного праздника глубоко верующей России, который предварялся семинедельным постом. Вершиной этого святого праздника было полночное богослужение в канун Пасхи, оно начиналось с того, что провозглашалось воскрешение Христа, а верующие совершали крестный ход с зажженными восковыми свечами. Люди обнимались и трижды целовались по старинному русскому обычаю. Традиционная пасхальная пища — пасха, куличи и яйца — освящалась священником, а затем начиналась служба. Церковные песнопения исполнялись прекрасными хорами мужчин и мальчиков. Я больше нигде не слышал ничего похожего на могучие русские басы. Офицеры и чиновники были в парадной форме, женщины из общества щеголяли в праздничных нарядах — все, от низших слоев общества до высших, надевали самое лучшее.

Пасха также знаменовалась всеобщей благотворительностью, когда щедрая русская натура вступала в свои права и все люди начиная с царя подносили подарки близким. С этим праздником связывались целые потоки награждений в виде орденов и медалей, а также повышения по службе. В больших городах царило редкостное и теплое настроение. Все окна были освещены, весь город на ногах; наносились визиты друзьям и знакомым. Роскошные кареты и коляски быстро мчались по улицам, а около входов во дворцы вельмож стояли лакеи в праздничных ливреях с жезлами в руках. Всю неделю гостей принимали в столовых залах и угощали лучшим, что было в доме, и все это время звонили колокола.

В моей личной жизни в это время произошли перемены: в 1892 году я сочетался браком с госпожой Анастасией Араповой. Ее отцом был генерал-майор Николай Арапов, входивший в свиту Его Величества. В прошлом он также был кавалергардом.

* * *

В 1894 году скончался могущественный император Александр III, а вскоре в Москве состоялось торжественное коро-

Маннергейм (на первом плане)
при коронации Николая Второго 14 мая 1896 года

нование Николая II и императрицы Александры Федоровны, куда на весь месяц были командированы и все кавалергарды.

Несколькими днями ранее царственная пара прибыла в Кремль из Петровского дворца, находившегося за пределами города. Было очень приятно наблюдать за их прибытием. Перед императором на коне и его блестящей свитой гарцевал первый эскадрон кавалергардов, где я исполнял обязанности командира первого взвода. Обе императрицы ехали в изумительных праздничных экипажах, запряженных восьмерками, за ними следовали двадцать карет, запряженных шестью и четырьмя лошадьми. Балконы над улицами были заполнены празднично одетым народом. Все выглядело неопишимо красочно и величественно.

То же самое я могу сказать и о самой коронации. Однако это была самая утомительная церемония из тех, в которых мне пришлось участвовать. Я был одним из четырех кавалергардских офицеров, которые вместе с самыми высокопоставленными лицами государства образовали шпалеры вдоль широкой лестницы, что вела от алтаря к трону на коронационном возвышении. Воздух от ладана был удушающим. С тяжелым палахом в одной руке и «голубем» в другой мы неподвижно стояли с девяти утра до половины второго дня. Наконец коронация завершилась, и процессия отправилась в сторону царского дворца. В горностаевой мантии, с короной на голове Его Величество шествовал под балдахином, который несли генерал-адъютанты государя, а перед ним и следом попарно маршировали четыре кавалергардских офицера с обнаженными палахами.

Император и императрица в тяжелых коронационных одеяниях должны были еще принять участие и в традиционной трапезе, и мне посчастливилось увидеть это событие. На возвышении в красивой Грановитой палате был накрыт стол для царственной пары и вдовствующей императрицы, их обслуживали преимущественно самые высокопоставленные лица двора, люди весьма престарелые. Трясущимися руками они подносили закуски и напитки на царский стол, вокруг которого в почетном карауле стояли офицеры-кавалергарды с

обнаженными палашами. Отойти от стола можно было, только сделав несколько шагов назад, а на скользком паркете это представлялось довольно сложной задачей. То был один из редких случаев, когда высочайшие чины в буквальном смысле собственноручно выполняли свои официальные обязанности. Звучала музыка в исполнении всемирно известных музыкантов.

Однако праздничная коронация получила ужасное продолжение. Через два дня кавалергарды были подняты по тревоге.

Они должны были проскакать почти через всю Москву на Брестский вокзал, находившийся на западной окраине города. Едва эскадроны построились, мимо нас проехала парная коляска с императором и императрицей, лица у них были бледные и серьезные. Далее следовала свита в том же порядке, что и на коронации. Что случилось, мы пока не знали, но по тому потрясенному виду, который был на лицах безмолвного общества, можно было заключить, что произошло нечто ужасное.

Вскоре случившееся получило свое объяснение. Мимо нас проехал большой караван открытых телег, из-под покрывал свешивались безжизненные руки и ноги. На близлежащем Ходынском поле произошло ужасное несчастье. Толпы людей устремились к палаткам, где раздавали прохладительные напитки и маленькие сувениры. Началась паника, людей сбивали с ног и затапывали насмерть. Говорили, что погибло около двух тысяч человек.

Катастрофа на Ходынке стала как бы пророчеством для несчастного правления Николая II. Это сравнимо лишь с фейерверком в честь обручения Людовика XVI и Марии-Антуанетты, который также привел к многочисленным жертвам.

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. ВОЛНЕНИЯ В РОССИИ И МАНИФЕСТ НИКОЛАЯ II

Вскоре после получения в 1903 году звания ротмистра я написал прошение о переводе меня обратно в армию. Кавалергардский полк вряд ли мог дать мне что-нибудь новое. Мою просьбу удовлетворили, и я получил назначение в Петербургское офицерское кавалерийское училище, где стал командиром так называемого образцового эскадрона. Для меня это была желанная должность, поскольку у командира эскадрона было почти независимое положение, а права и жалованье — как у командира полка.

Офицерское кавалерийское училище представляло собой технико-тактическое учебное заведение, им руководил кавалерийский генерал Брусилов, который и тогда уже был очень известен. Впоследствии генерал Брусилов снискал себе славу на полях Первой мировой войны. Он был внимательным, строгим, требовательным к подчиненным руководителем и давал очень хорошие знания. Его военные игры и учения на местности по своим разработкам и исполнению были образцовыми и донельзя интересными.

Мою службу в офицерском кавалерийском училище прервала Русско-японская война, на которую я записался добровольцем. Генерал Брусилов не одобрил мой поступок. Он считал совершенно бесполезным участие в такой незначительной войне и уговаривал меня отозвать прошение. Ведь скоро, считал Брусилов, начнется реальное противоборство, которое, возможно, перерастет в мировую войну, именно поэтому мне следовало поберечь себя. Однако я не сдался, поскольку прочно решил попробовать свои силы в настоящей войне.

Начало войны для народа России было полной неожиданностью. Но все же она была логическим продолжением событий того времени, и потому имеет смысл вернуться к ним, чтобы лучше понять современное соперничество между великими державами. С позиций сегодняшнего дня особенно ясно видно, как русские и японцы за счет Китая по очереди стремились подчинить своему влиянию богатейшие районы Дальнего Востока.

В конце девятнадцатого века внешнеполитическое ведомство России возглавлял князь Лобанов-Ростовский, стремившийся стабилизировать политическую ситуацию как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Территориальное расширение Японии, которая оккупировала Южную Маньчжурию, представляло реальную угрозу, и в 1895 году Россия, вместе с Францией и Германией, потребовала восстановления суверенных прав Китая на Маньчжурию. Японские войска были вынуждены покинуть страну и отойти в Корею. Вознаграждением за это стала концессия, по которой Россия получила возможность построить и начать эксплуатацию Южно-Китайской железной дороги — она пролегла через Северную Маньчжурию и соединяла Сибирь с Владивостоком. Однако после того, как на посту министра иностранных дел князя Лобанова-Ростовского сменил граф Муравьев, внешняя политика России претерпела крутой поворот.

В 1898 году Китай был принужден сдать в аренду России сроком на 25 лет конечный пункт Южно-Маньчжурской дороги — город Порт-Артур — для создания там военно-морской базы. Китай должен был также согласиться на присоединение упомянутой линии к только что построенной Южно-Китайской железной дороге. Отношение китайцев к подобному диктату ясно демонстрирует Боксерское восстание 1900 года, которое было направлено против всех иностранных интервентов. Подавление этого восстания дало возможность России полностью оккупировать Маньчжурию. Правительство России пообещало постепенно освободить эту территорию,

но, поскольку ничего такого не произошло, Япония заподозрила Россию в разработке планов нападения на Корею. Разногласия усиливались из года в год. Японским нотам не придавалось никакого значения, российское правительство не обратило особого внимания и на то обстоятельство, что в 1902 году Англия, опасаясь вторжения России в Индию, заключила союз с Японией. Россия жила с верой, что дипломатические успехи, легко достигнутые за последние годы, будут сопутствовать ей вечно.

В конце декабря 1903 года, когда император Николай II с семьей находился в охотничьем замке Спала в Польше, полномочный посол Японии в России вручил министру иностранных дел ноту, в которой повторялось предложение Японии о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке: Маньчжурия — России, Корея — Японии. Ответ на ноту требовалось представить не позднее 7 января. Министр иностранных дел граф Ламздорф решил сразу же отправиться в Спалу, чтобы представить ноту императору. Однако эта поездка была отложена — пришло известие, что у цесаревича ухудшилось состояние здоровья в связи с гемофилией. В таких обстоятельствах попасть на аудиенцию к государю было очень сложно, практически невозможно.

Проходили недели, в Токио нарастало нетерпение. Только в феврале министр иностранных дел смог доложить императору обстоятельства этого дела. Ответная нота России носила, по всей видимости, такое содержание, что Япония посчитала себя вправе взяться за оружие, и в ночь на 9 февраля 1904 года без объявления войны японские корабли блокировали русскую эскадру в Порт-Артуре. Теперь японские войска и снаряжение могли беспрепятственно транспортироваться морем из Кореи в Маньчжурию, а русские войска там были слишком слабыми, чтобы угрожать этому прочному мосту.

События в Порт-Артуре полностью выключили из игры русский Тихоокеанский флот. Флагманский корабль адмирала Макарова «Петропавловск» напоролся на мину и унес с собой в пучину самого одаренного российского флотоводца, а вместе с ним почти тысячу матросов. Одним из оставшихся в живых